

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Ивана Анатольевича Авдеенко

«Символические системы пространства и времени

в языке русской рок-поэзии»,

представленной на соискание ученой степени

доктора филологических наук

по специальности 10.02.01 – Русский язык

Диссертация Ивана Анатольевича Авдеенко уже на уровне постановки проблемы является глубоко новаторским исследованием – соискатель предлагает посмотреть на язык рок-поэзии через призму реализованных в этом языке пространственных и темпоральных символов; причём не символов вообще, а символов вполне конкретных, символов, непосредственно реализованных в образцах русской рок-поэзии.

Сразу обратим внимание на обоснованность релевантности проблемы и материала; здесь предельно уместным видится используемое соискателем понятие «символическая практика». Применительно к объекту исследования символическая практика очень удачно охарактеризована как вокально-вербальная, что позволяет привлекать к анализу такой когнитивный инструмент как голос, а вместе с ним – и музыкальную составляющую, способную выразить невербализуемое содержание. Обозначенная релевантность отчётливо подкрепляется теми чертами рока, которые Иван Анатольевич называет (с опорой на существующие филологические работы) уже во введении, – все эти черты, все эти характеристики явления реализуют как раз то, что соискатель обозначил как символическую практику. На этом основании данное определение рок-поэзии (см. С. 21) хоть и не может претендовать на универсальность, всё же для решения заявленной проблемы видится вполне подходящим. Подробно разработаны в диссертации и понятия, скажем так, базовые – понятия символа и языковой личности – как в

современной науке, так и диахронически – в истории человеческой мысли. Из всего этого закономерно вытекает и релевантность объекта (языка русской рок-поэзии) и предмета (инвариантной семантики символов и структуры символических систем пространства и времени). Однако уже на уровне постановки проблемы неизбежен вопрос следующего плана: в диссертации отмечается, что «язык русской рок-поэзии, представляя собой вариант русского национального языка, не в полной мере понятен, порождает странные, с точки зрения носителя русского языка, в том числе и специалиста-филолога, тексты»; но не является ли данная характеристика универсальной чертой поэтического языка (в терминологии М. И. Шапира) вообще, не является ли особенностью языка художественной словесности? В чём же тогда уникальность языка рок-поэзии и есть ли она, эта уникальность?

Между тем цель исследования – описать инвариантную семантику пространственных и темпоральных символов и представить модели пространственных и темпоральных символических систем в русской рок-поэзии – выглядит в полной мере обоснованной. Более того, сразу скажем, что цель эта Иваном Анатольевичем успешно достигнута – и через осмысление концепций предшественников в их проекции на рассматриваемый материал, и через собственный анализ этого материала, предпринятый во второй и третьей главах диссертации.

Избранная Иваном Анатольевичем структура основной части диссертационного исследования, организованная в строгом соответствии с задачами, представляется относительно заявленной цели предельно оптимальной: первая глава носит теоретически-обобщающий характер, а вторая и третья посвящены – соответственно – символам пространственным и символам темпоральным. Однако отдельно стоит обратить внимание на структурные особенности каждой из глав. Что касается первой главы, то тут соискателем избрана весьма любопытная стратегия, напоминающая ту, что некогда А. Ф. Лосев выбрал для определения мифа, – определить термин

через его отличия от других терминов; только здесь в качестве определяемой оказывается категория символа; последовательно показывается, как символ соотносится с концептом (концепт в символе выступает как означающее), а затем доказывается, чем символ отличается от метафоры, от метонимии, от художественного образа. Именно через это и удаётся Ивану Анатольевичу прийти к базовому для всей работы определению символа, к пониманию символа как особого конвенционального знака, к возможности типологизировать символы (предложенная тематическая классификация символов является наиболее релевантной относительно заявленной проблемы, поскольку «позволяет исследовать системы символов, связанные с определенным фрагментом языковой картины мира»), к осмыслению особенностей функционирования символа в художественном тексте (материально выраженной системе смысловых связей) вплоть до того, что соискатель обозначил как контекстные ассоциации. Хотя, на наш взгляд, следовало бы в композиции первой главы параграф о собственно определении символа (как «знака особого рода, означающим которого является концепт в лингвокультурологическом представлении, то есть сфокусированная сеть отношений, ассоциаций с другими значимыми компонентами языковой картины мира») вынести в финал. И тут же неизбежен ещё один вопрос: справедливо говорится о том, что смысл символа порождается контекстом, но разве не является контекстуальность тотальным определяющим признаком для смыслопорождения любого знака? Разве не любое слово в художественном контексте трансформирует своё значение в сторону смысла? Если это так, то в чём тогда специфика контекстуального смыслопорождения применительно именно к символу? (Не имеем тут в виду прекрасно обоснованные соискателем отличия символов от имени и от основных тропов, там дифференциация строится на иных, не контекстуальных, основаниях.) Наверное, уместен и вопрос относительно уточнения релевантности понятий «символ» и «художественный текст» относительно друг друга, однако данный вопрос превосходно снимается

Иваном Анатольевичем через, во-первых, указание на смысловую многомерность того и другого, а, во-вторых, через экспликацию двух типов взаимодействия символа и художественного текста. В итоге соискатель не только разделил ассоциации на объектные, атрибутивные и процессуальные, но и предложил на основе этого алгоритм «описания семантики символа исходя из анализа его валентности (характера ассоциаций) в ближайшем контексте (высказывания, композиционной единицы, текста)»; а алгоритм этот можно увидеть уже в перечислении задач во введении к диссертации. Более того, нельзя не отметить, что предложенный алгоритм описания семантики символа может быть использован и как универсальный – при работе с самыми разными художественными системами.

И наработки введения и первой главы становятся базой для практических изысканий второй и третьей глав, разговор о которых уместно начать с выбора материала – как того, что принято называть рок-поэзией, так и конкретных её проявлений, избранных для анализа. Вряд ли можно согласиться с соискателем в том, что на данный момент русская рок-поэзия не описана научно в достаточной мере; всё-таки хочется верить, что двадцатка лет изучения рока филологами не прошли совсем даром; по крайней мере, в ракурсе научного описания явления. Возразим и относительно идентификации рок-поэзии как явления, занимающего промежуточное положение между элитарной поэзией и разговорной речью. Однако эти возражения не соотносятся напрямую с проблематикой работы. Важнее другое, важнее то, что Иван Анатольевич исходит из справедливого тезиса о необходимости анализа языка (именно языка!) рассматриваемого явления, языка, который «представляется уникальным образцом коммуникативно-когнитивной системы перенастройки представлений о мире и месте человека в нем». Именно уникальность рока в языковом аспекте и делает выбор рок-поэзии в качестве материала данного исследования предельно обоснованным. Отрадно и то, что соискатель во введении уделяет очень большое внимание самой возможности работы филолога с рок-текстами, убедительно

доказывая, что это, в числе прочего, «и речевой материал, отражающий активные процессы, происходящие в современном русском языке в аспектах произношения, словообразования, семантики, синтаксиса, функциональной стилистики». Впрочем, когда Иван Анатольевич отмечает, что рок-поэзия существует «в идеале – в форме авторского исполнения (или сиюминутного порождения) текста в ходе коллективного обмена эмоциями (концерта)», он прав не до конца; всё-таки основная форма бытования рока не концерт, а альбом, то есть некий носитель, хранящий и, соответственно, тиражирующий рок-композицию; и даже если это концерт, то концерт существующий в записи; не стоит отрицать и бытование рок-текстов в печатном виде; да и работал соискатель, как следует из диссертации, не с живыми концертами, а с аудиозаписями и, вероятно, печатными текстами (жаль, что в диссертации источники материала указаны лишь номинативно, без выходных данных – ни дискографические, ни библиографические, ни электронные; при том, что Иван Анатольевич приводит цитаты из текстов, обращая внимание на строфическое деление, на пунктуацию, даже на её вариативность, чего, согласимся, при работе со звучащим текстом сделать можно только очень приблизительно; согласимся, что простого указания на «юбилейные или “итоговые” альбомы, составляющие некую целостность», тут маловато).

Что же касается подбора авторов, то тут тоже не очень репрезентативным видится определение их как «наиболее известных русскоязычных рок-групп». Проводились специальные исследования степени известности? Если нет, то на чём основана данная подборка? Ведь у всякого, кто посмотрит на список этих групп на С. 35, непременно возникнут вопросы из разряда, а почему вот А и В есть, тогда как С и D отсутствуют? Разве «Пикник», «Гражданская Оборона», «Агата Кристи» менее известны, чем ДДТ, «Алиса», «Чайф»? И почему только группы? А как же те, кто работал и работает solo – Александр Башлачёв, Янка Дягилева, Юрий Наумов, Павел Фахртдинов?.. Да и вообще, в русском роке понятие «группа» в аспекте собственно поэтического творчества (да и музыкального тоже)

весьма относительно: при всём уважении к музыкантам той или иной группы очевидно то, что в большинстве из них есть личность, есть творец; номинация же ансамбля становится не более чем метонимией её лидера; так, говоря «Аквариум», мы подразумеваем Гребенщикова, «Кино» – Цоя, «Зоопарк» – Майка Науменко, «Гражданская Оборона» – Егора Летова... Однако мы не будем задавать данные вопросы, ибо понимаем всю ту сложность, с которой сталкивается исследователь-новатор при выборе материала. Другое дело, что всё же, как нам представляется, следовало бы дать более подробное описание обоснования подбора авторов и текстов для анализа.

Очень похожее суждение можно высказать и относительно выбора самих символов. Разумеется, нет никаких сомнений в их универсальности, но вот это-то как раз истораживает – выходит, что рок-поэзия использует символы, присущие культуре вообще, а оригинальных символов в ней нет? Так в чём же тогда уникальность рок-поэзии, если смотреть на неё в ракурсе символических систем? Или этой уникальности нет?

Впрочем, сам анализ, предпринятый во второй и третьей главах, весьма глубок, необычен, интересен. Отраднo, что контекстуальные смыслы многих символов являются, как следует из анализа, уникальными, неординарными относительно привычных, традиционных значений (особенно это заметно в тех случаях, когда символы формируют системы, хотя в большинстве примеров аналоги в предшествующей художественной традиции найдутся без труда). А самое главное – весь практический анализ работает на общую концепцию, на достижение конечной цели. И оппоненту здесь остаётся только традиционно посетовать на то, что жанр официального отзыва ограничен во времени и в пространстве, то есть не позволяет детально остановиться на хотя бы некоторых частных примерах интересного анализа в практической части.

И несколько слов о приложениях. Обычно в приложения к квалификационным работам включаются те изыскания соискателя, которые

по очевидным причинам (нестрогое соответствие теме, невозможность красиво вписать данные сегменты в структуру) не нашли себе места в основной части диссертации; проще говоря, включить нельзя, а выбросить жалко. Тут перед нами отнюдь не такой случай; тут приложения становятся своего рода справочным подспорьем для всей работы, аналитической энциклопедией, позволяющей желающим глубже понять и шире представить доказательную базу практических глав; подтвердить сказанное количественными показателями.

Таким образом, диссертация Ивана Анатольевича Авдеенко оказалась ценным, даже этапным исследовательским продуктом по двум принципиальным направлениям, которые условно могут быть обозначены как теоретическое и практическое. В теоретическом плане существенным образом уточнено понятие символа, описаны и проанализированы прежде не затрагиваемые наукой сферы его реализации в искусстве; в плане практическом открыты такие смыслы рок-произведений, которые ранее были скрыты. То есть проведённое исследование оказалось актуальным и важным по двум (зачастую, к сожалению, противоположным) векторам – вектору теории и вектору практики. Высказанные же по ходу отзыва замечания являются не более чем очень частными репликами, никак не влияющими на целиком и полностью положительный финальный вывод. Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для соответствующей отрасли знаний – русского языка; диссертация «Символические системы пространства и времени в языке русской рок-поэзии» отвечает пп. 9-10 «Положения о присуждении ученых степеней» (Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, в редакции от 28.08.2017). Выводы, представленные в итоговой части диссертации, обоснованы, достоверны и закономерно вытекают из всей логики работы. Оформление диссертационного сочинения строго соответствует стандартам. Автореферат отражает содержание диссертации. Положения диссертации отражены в 40

публикациях (15 из них опубликованы в ведущих российских периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК, 2 являются монографиями), а автор – Иван Анатольевич Авдеенко – в полной мере заслуживает искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык.

20.02.2019.

Профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), доктор филологических наук (10.01.08)

Юрий Викторович Доманский

Адрес: 125993, г. Москва, Миусская площадь, д.6.

Российский государственный гуманитарный университет.

Телефон: +79109306256

e-mail: domanskii@yandex.ru

